

На правах рукописи

ТЕПШЕЕВА ДЖАМИЛЯ РАМАЗАНОВНА

**ЛИНГВОКУЛЬТУРНЫЕ ОСОБЕННОСТИ
ФОЛЬКЛОРНОГО ПЕСЕННОГО ДИСКУРСА
(религиозные и эмоционально-чувственные концепты)**

10.02.19 – теория языка

Автореферат
диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

НАЛЬЧИК – 2020

Работа выполнена в ФГБОУ ВО «Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова»

- Научный руководитель –** **Башиева Светлана Конакбиевна**, доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой русского языка и общего языкознания ФГБОУ ВО «Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова»
- Официальные оппоненты:** **Патюкова Регина Валерьевна**, доктор филологических наук, доцент, заведующая кафедрой рекламы и связей с общественностью ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет»
- Тамерьян Татьяна Юльевна**, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры иностранных языков для неязыковых специальностей факультета иностранных языков ФГБОУ ВО «Северо-Осетинский государственный университет им. К.Л. Хетагурова»
- Ведущая организация –** ФГБОУ ВО «Карачаево-Черкесский государственный университет им. У.Д. Алиева»

Защита диссертации состоится 23 декабря 2020 г. в 12 ч. 30 мин. на заседании диссертационного совета Д.212.076.05 в ФГБОУ ВО «Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова» по адресу: 360004, Нальчик, ул. Чернышевского, 173, диссертационный зал.

С диссертацией можно ознакомиться в научной библиотеке ФГБОУ ВО «Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова» по адресу: Нальчик, 360004, ул. Чернышевского, 173, а также на сайте <http://diser.kbsu.ru>. Электронная версия автореферата размещена на сайте КБГУ им. Х.М. Бербекова. Режим доступа: <http://www.kbsu.ru>.

Автореферат разослан _____ 2020 года.

**Ученый секретарь
диссертационного совета**

Т.А. Чепракова

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность исследования. Среди важнейших целей современной лингвистики особо выделяются установка на изучение языковых и речевых фактов сквозь призму лингвокультурологии, когнитивной лингвистики, теории дискурса, поиск смысловых и языковых доминант национальной культуры, в том числе и такого ее фрагмента, как музыкальный фольклор, и в соответствии с этим – анализ базовых понятий, отражающих языковую картину мира.

Следует отметить, что народное песенное творчество рассматривается в рамках нескольких направлений (фольклористика, музыкальное искусство, культурология, социология, психология) как кумулятор информации об истории, традициях, специфике мировосприятия этносов [см. Адаменко, 2013; Алексеева, 2012; Малкондуев, 2015; Рахаев, 2002 и др.]. В поле зрения находятся также лингвистические особенности фольклорных песен [см.: Аликаев, Башиева, 2015; Будникова, 2009; Воронцова, 2005; Гулянков, 2000; Завалишина, 2003; Кондакова, 1996; Кучукова, 2004; Убушиева, 2013; Эмер, 2011 и др.]. Однако в работах указанных и других исследователей не решены некоторые задачи, связанные с выявлением и описанием языковых особенностей, отражающих понятия, актуальные для любого этноса.

Анализ эмпирического материала, проведенный нами, показал, что приоритетную позицию в фольклорных песенных текстах занимают чувства, эмоциональные переживания, а также религиозные представления, преципирующие в языковом сознании многовековой опыт людей, поэтому в иерархии этических, философских и психологических концептов фольклорного песенного дискурса особое место принадлежит концептам «Бог», «Душа», «Любовь» и «Радость». Являясь универсальными, релевантными для любой культуры, они вызывают на протяжении многих лет интерес для исследований в лингвокультурологическом, лингвокогнитивном, психолингвистическом и социокультурном аспектах на материале поэтического, прозаического, устно-речевого и других дискурсов [Балашова, 2004; Белая, 2006; Бурнос, 2004; Буянова, 2003; Воробей, 2008; Воркачев, 2003; Данькова, 2000; Колесникова, 2008; Косицына, 2010; Кремшокалова, 2013; Кузнецова, 2005; Макарова, 2005; Оганян, 2004; Орлова, 2011; Тепкеева, 2007; Хутова, 2008 и др.]. Полагаем, что исследование в настоящей диссертации лингвокультурной информации, воплощенной в концептах «Бог», «Душа», «Любовь» и «Радость», может восполнить сложившиеся в науке представления о фольклорном песенном дискурсе.

Объект диссертации – фольклорный песенный дискурс как ценный ресурс, наиболее целесообразный и актуальный при исследовании различных аспектов языка и культуры.

Предмет исследования – лингвокультурные особенности ключевых концептов фольклорного песенного дискурса «Бог», «Душа», «Любовь», «Радость».

Целью работы является исследование концептов фольклорного песенного дискурса: «Бог», «Душа», «Любовь» и «Радость» в лингвокультурологическом аспекте.

Согласно поставленной цели предстоит решение следующих **задач**:

1) изучить теоретические предпосылки исследования фольклорного песенного дискурса;

2) рассмотреть песенный фольклор как особый социокультурный феномен и источник лингвокультурной информации;

3) выявить ключевые концепты фольклорного песенного дискурса и разработать их полевые модели;

4) раскрыть содержание полевой структуры релевантных для фольклорного песенного дискурса религиозных и эмоционально-чувственных концептов «Бог», «Душа», «Любовь» и «Радость».

Методологической базой исследования являются концепции, заложенные в научных трудах по лингвокультурологии [О.А. Алимуратов, 2003; З.Х. Бижева, 2000; Л.Ю. Буянова, 2003; С.Г. Воркачев, 2001; А.И. Геляева, 2002; В.И. Карасик, Г.Г. Слышкин, 2001; В.В. Красных, 2000, 2002; В.А. Маслова, 1997; В.Н. Телия, 1996, 1999 и др.], когнитивной лингвистике [Н.Ф. Алевиренко, 2005; 2011; Н.Н. Болдырев, 2001; А. Вежибцкая, 2001; В.З. Демьянков, 1994, 2001; А.А. Залевская, 1998, 2001; А.В. Кравченко, 2004; Н.А. Кобринина, 2000; Е.С. Кубрякова, 1996, 2004; Дж. Лакофф, М. Джонсон, 1987; З.Д. Попова, И.А. Стернин, 1999 и др.], теории дискурса [Р.С. Аликаев, 1999; Н.Д. Арутюнова, 1990; В.Г. Борботько, 2006; Т.А. ван Дейк, 1997; В.И. Карасик, 2004; А.А. Кибрик, 2009; Е.С. Кубрякова, 2000; О.А. Леонтович, 2009; М.П. Макаров, 2003; Г.Н. Манаенко, 2003, 2006; О.В. Олянич 2007; Г.Г. Почепцов, 1999; П. Серио, 1999; Л. Филлипс, М. Йоргенсен, 2004; М. Фуко, 2006; Г.М. Яворская, 2000 и др.].

Исследование проведено на материале карачаево-балкарского языка с привлечением в качестве фонового материала данных русского и английского языков. **Эмпирическую базу** составили около 300 карачаево-балкарских, русских и британских (английских, шотландских) фольклорных песен из следующих источников: 1) Аланский историко-героический эпос. В трех томах./Сост. М.Ч. Джуртубаев. Нальчик: ООО «Тетраграф», 2015; Эски жырла. Къарачай-Малкъарны жыр хазнасындан (Старые песни. Карачаево-балкарское песенное наследие)/сост. Х. Журтубаев. Нальчик: Эльбрус, 1993; Къарачай-малкъар халкъ жырла (Карачаево-балкарские народные песни) /сост. О. Отаров. Нальчик: Эльбрус, 2001; Рахаев А.И. Традиционный музыкальный фольклор Балка-

рии и Карачая. Нальчик: Эль-Фа, 2002; Антология народной музыки балкарцев и карачаевцев / сост. А.И. Рахаев, Х.Х. Малкондуев; под общ. ред. Е.В. Гиппиуса. Нальчик: Издательство М. и В. Котляровых, 2015; 2) Песни, собранные П.В. Киреевским. Новая серия. Выпуск II, часть I. М.: Московский университет, 1917; Великорусские народные песни, изданные проф. А.И. Соболевским. Т. 3. СПб: Гос. тип., 1897; Русские народные песни / сост. и предисл. А.М. Новикова. М.: Гослитиздат, 1957; Лирические народные песни /вступ. статья, подг. текста, примеч. Е. Лопыревой. Л.: Советский писатель, 1955; материалы сайта: <https://pesni.kakras.ru>; 3) Sharp C.J. English Folk Carols. London: Novello & Co., Ltd., 1911; Sharp's Collection of English Folk Songs. Vol. I – II. London, 1974; Ashton J. Real sailor-songs. London: Leadenhall; New York: Charles Scribner's Sons, 1891, материалы сайта: <https://contemplator.com/england> и др.

Методы исследования. Для решения поставленных в работе задач и достижения цели используются дефиниционный анализ, описательный метод, метод лингвокогнитивного анализа, концептуальный анализ.

Гипотеза исследования состоит в том, что фольклорный песенный дискурс представляет собой результат коллективного знания, воплощенного в вербальных, культурно обусловленных образованиях, концептуализированных в этническом сознании людей в зависимости от особенностей миропонимания.

Научная новизна заключается в том, что 1) впервые в исследовательское поле введен новый эмпирический материал, позволяющий выявить и описать лингвокультурные доминанты в фольклорном песенном дискурсе; 2) дано авторское определение фольклорного песенного дискурса как «совокупности исконно народных словесно-музыкальных произведений, отражающих характер народа, его историю, традиции, верования, мировоззрение, культуру» [Тепеева 2019: 172]; 3) раскрыто содержание полевой структуры релевантных для фольклорного песенного дискурса религиозных и эмоционально-чувственных концептов «Бог», «Душа», «Любовь» и «Радость»; 4) выделены их концептуальные признаки, в частности такие, как великий, дарующий счастье, великодушный, добрый, хороший (Бог), милая, добрая, бедная, богатая, тёмная, сильная, грешная, подлая, веселая, старая (душа), кровоточащая, губительная, плохая, крепкая, верная, чистая, красивая, сложная, суровая, облитая слезами (любовь), большая, великая, веселая, согревающая сердце (радость), отражающие специфику фольклорного песенного дискурса.

Теоретическая значимость диссертации определяется тем, что результаты исследования способствуют углублению положений лингвокультурологии, в частности расширению при дальнейшем изучении фольклорного песенного дискурса лингвистического понимания терминов «фольклорный песенный дискурс», «концепт».

Практическая значимость работы состоит в том, что материалы диссертации могут быть использованы в лекционных курсах по общему языкознанию, фольклористике, теории дискурса, лингвокультурологии, когнитивной лингвистике, на практических занятиях по карачаево-балкарскому, русскому и английскому языкам.

Положения, выносимые на защиту:

1. Фольклорный песенный дискурс представляет собой сложный речетворческий лингвокультурный продукт, который интегрирует в себе структурированную лингвистическую и экстралингвистическую этноспецифическую информацию.

2. Лингвокультурные особенности фольклорного песенного дискурса предопределены историческими, психологическими, социальными и иными факторами, влияние которых отражено в таких наиболее важных для языковой картины мира комплексных вербальных ментальных образованиях, как «Бог», «Душа», «Любовь» и «Радость».

3. Доминантные в фольклорном песенном дискурсе концепты «Бог», «Душа», «Любовь» и «Радость» представляют собой сложно структурированные полевые конструкты, состоящие из понятийного ядра (лексемы Бог, душа, любовь, радость), ближней периферии (иносказательные /метафорические номинации и синонимы), актуализирующей как мелиоративные коннотации, так и пейоративные интерпретации и оценки, а также дальней периферии (устойчивые словосочетания, афористические высказывания, формулы благопожеланий).

Апробация результатов исследования.

Содержание диссертационного исследования обсуждено на заседании кафедры русского языка и общего языкознания КБГУ им. Х.М. Бербекова, основные положения работы доложены на международных и всероссийских научно-практических конференциях «Актуальные вопросы гуманитарных и общественных наук» (Санкт-Петербург, 2019); «Научные междисциплинарные исследования молодых ученых» (Саратов, 2020); «11-е Бербековские чтения» (Нальчик, 2016), «Перспектива–2016» (Нальчик, 2016), а также на III Международном молодежном конкурсе научных работ «Молодежь в науке: Новые аргументы» (Липецк, 2016), опубликованы в 9 научных статьях, из которых три – в ведущих научных рецензируемых журналах, рекомендованных ВАК РФ.

Структура работы. Диссертационное исследование состоит из введения, двух глав, заключения, библиографии и источников песенных текстов.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во вводной части диссертации обоснована актуальность, определены объект, предмет, цель, задачи, методы, теоретическая и практическая значимость исследования, раскрыта его научная новизна, сформулированы основные положения, выносимые на защиту, обозначены теоретико-методологическая и эмпирическая базы, дана информация об апробации полученных результатов.

Первая глава «Теоретические основы исследования фольклорного песенного дискурса» посвящена изучению понятийной базы, на которой построена работа (культура, дискурс, песенный дискурс, фольклорный песенный дискурс).

Проведенный в **параграфе 1.1.** анализ имеющихся в науке дефиниций понятия «культура», подходов к его пониманию позволил расширить, уточнить представление о нем в контексте лингвокультурологического знания. Например, генетический подход фокусирует внимание на феномене культуры в качестве появляющихся в процессе социального прогресса отличий человеческой жизнедеятельности от иных форм биологической жизни; информативный подход предполагает оценку культуры как формы хранения и передачи общественно важной информации; нормативный подход – описание культуры как системы, определяющей и координирующей поведение человека в социуме; эпистемологический подход подразумевает понимание культуры как некоторой суммы знаний и представлений об окружающей действительности; сторонники деятельностного подхода рассматривают культуру как совокупность всех видов деятельности, традиций и верований; аксиологический подход акцентирует внимание на культуре как комплексе материальных и духовных ценностей; семиотический подход позиционирует культуру в качестве особого механизма, сферы образования и функционирования знаков и значений, способствующих успешному общению некоторой группы лиц и целых этнических сообществ. Разноплановость направлений исследования понятия «культура» свидетельствует о том, что в науке нет общепринятого его толкования, а выбор того или иного подхода зависит от установки исследователя. Мы, исходя из цели, задач диссертации, опираемся на определение культуры в контексте миропонимания, обладающего «семиотической природой» [Телия 1996: 222].

В параграфе 1.2. подробно рассматриваются основные дефиниции и типы термина «дискурс», обращается внимание на соотношение понятий «дискурс» и «текст», отмечается связь дискурса и концепта, раскрывается содержание дискурс-анализа как комплекса методов изучения текстов.

Анализ научных источников показал, что термин «дискурс» имеет неоднозначную интерпретацию. В представленном диссертационном исследовании обращено внимание на его трактовку научными школами. Так, немец-

кая школа рассматривает дискурс как совокупность речевых действий в историческом и социокультурном контекстах, воплощающих основополагающие коллективные знания, ценности и приоритеты, чувства и эмоции, устремления и цели социальных групп в гетерогенной языковой общности [Netmanns 1995:94]. Методологическую базу французской школы, как известно, составляет структурализм, который также базировался на анализе дискурса. Социально направленные исследования прослеживаются в дискурс-анализе американской школы. Отечественное языкознание, в отличие от западного языкознания, в основном фокусировало внимание на проблемах внутренней лингвистики. Довольно распространенной в современном языкознании является интерпретация дискурса как продолжительного отрезка устного диалога, противопоставленного письменному тексту [см. Выготский 1999]. Динамический характер дискурса подчеркивается в определении его как речи, погруженной в жизнь [Арутюнова 1990:136–137]. На наш взгляд, наиболее полное толкование дискурса, согласно которому связь дискурса и концепта очевидна, представлено в одной из работ В.З. Демьянкова [1982:7].

Поскольку термин «дискурс» не имеет общепринятого определения, неоднозначна и типология дискурсов. В трудах В.И. Карасика, Г.Г. Почепцова и Г.М. Яворской даны различные классификации рассматриваемого явления. Так, В.И. Карасик делит дискурс на два вида: персональный и институциональный [2000: 5]. Г.Г. Почепцов, исходя из специфики речи в контексте дискурса и особенностей знакового выражения им какой-либо ситуации, выделяет фольклорный, литературный, политический, религиозный, иерархический, ритуальный, рекламный, газетный, телевизионный, межкультурный, праздничный, иронический, неофициальный, визуальный, театральный виды [Почепцов 1999: 75–100]. Г.М. Яворская классифицирует дискурсы в соответствии с областью функционирования (политический, научный), конкретной коммуникативной ситуацией (разговор по телефону, диалог во время сдачи экзамена), вариантами строения сообщения (нарративный дискурс), прагматическими целями (инструкции, законы, положения) и др. [Яворская 2000: 14].

При анализе определений дискурса возникает вопрос о его соотношении с понятием «текст». Отметим, что текст и дискурс – понятия перекликающиеся, но не тождественные. Принципиально отличительное свойство дискурса от текста, по мнению М. Я. Дымарского, состоит в том, что «дискурс обладает признаком процессности» [2006: 39]. Такое толкование термина предлагает рассмотрение его как явления в режиме текущего времени. С этой позиции дискурс противопоставляется тексту как уже готовому продукту, не преобразовывающемуся в соответствии с какими-либо внешними условиями. Тесную связь дискурса и

текста отмечает и М.Я. Блох. По его мнению, задача лингвистов состоит в том, чтобы «привести эти понятия к иерархическому порядку – какое из них целесообразно принять за общее, а какое за частное?» [Блох 2013: 8]. А.А. Кибрик считает, что «...дискурс включает в себя текст как составную часть» [2003:4].

В научных работах последних десятилетий как методологический инструмент широко используется термин «дискурс-анализ». Он представляет собой описание и интерпретацию текстов или высказываний (устных или письменных, превышающих предложение), проводимые путем изучения их расположения в конкретных социальных и культурных контекстах [Findlay 1998: 49].

Параграф 1.3. посвящен исследованию песенного дискурса. Научное рассмотрение песенного дискурса – вопрос, безусловно, междисциплинарный. Без учета социальных, исторических, культурных и других факторов оно будет неполным. Ключевыми компонентами песенного дискурса как социальной практики являются семиозис, социальные агенты, социальный контекст и текст. Все эти элементы связаны между собой и очень важны для анализа песенного дискурса. В зависимости от социального контекста, социальные агенты используют определенный семиозис и создают текст. Базовыми целями песенного дискурса можно считать донесение до слушателя идеи произведения, сильное эмоциональное воздействие, помощь в определении главных жизненных идеалов и установок, общее творческое воспитание личности. Песенный дискурс содержит в себе, помимо непосредственно вербального, музыкальный (невербальный) компонент. Эту его особенность подчеркивают в своих исследованиях Ю.Е. Плотницкий [2005], Л.Г. Дуняшева [2013] и др.

Песенный дискурс как многогранное явление предлагает большое количество тем и идей для лингвистических исследований, в том числе и на междисциплинарном уровне. Связано это, в первую очередь, с необходимостью разнопланового изучения языка. К числу интегративных областей знания относится и лингвокультурология как наука синтезирующего типа [Мурзин 1996], поскольку она изучает взаимосвязь и взаимодействие языка и культуры, а также делает потенциальным анализ феноменов духовной культуры, включая и песенный дискурс.

В отечественном языкознании песенный дискурс трактуют как родовое понятие по отношению к текстам песен, которые характеризуются определенными языковыми особенностями, отражающими культуру представителей той или иной страны [Плотницкий 2005]. Е.А. Мензаирова в своем диссертационном исследовании подчеркивает амбивалентное состояние песенного дискурса – способность существовать как в устной, так и письменной форме [2010]. Т.Н. Астафурова и О.В. Шевченко, исследуя англоязычный песенный дискурс, указывают на его лингвокультурные особенности, характеризующие, на наш взгляд,

любой вид песенного дискурса: аксиологичность, идеологичность, креолизованность, дистанцированность, субъективность, авторитарность [2016: 98], а способ реализации функций песенных жанров О.В. Шевченко видит в тематическом разнообразии самих текстов [2009: 242–249]. Среди научных трудов, выполненных в данном русле, следует отметить и работу Ю.А. Эмер, посвященную изучению миромоделирующего потенциала песенных жанров современного фольклора. В результате когнитивно-дискурсивного анализа автор выявляет особенности фольклорной коммуникации, соотношение концептуальной системы и фольклорной картины мира на материале песни, сохраняющей основополагающие принципы традиционного мировосприятия и отражающей картину мира современника [Эмер 2011: 2].

В параграфе 1.4. дается авторское определение фольклорного песенного дискурса, раскрываются его содержание, жанровое разнообразие и функции. Фольклорный песенный дискурс, как нам представляется, обладает наиболее богатым лингвокультурным потенциалом, репрезентирующим основополагающие, «вечные» человеческие ценности. Несмотря на наличие многочисленных дефиниций терминов «дискурс» и «песенный дискурс», четкого толкования, раскрывающего содержание понятия «фольклорный песенный дискурс», всё еще нет. В связи с этим на основе уже существующих формулировок мы дали, как было указано во вводной части диссертации, определение данному феномену как этнолингвокультурной модели, воплощенной в концептах.

При рассмотрении фольклорного песенного дискурса, на наш взгляд, нельзя игнорировать классификацию его жанров. Стоит отметить, что впервые карачаево-балкарские песенные тексты были опубликованы Вильгельмом Прёле в работах [Pröhle 1909; Pröhle 1914/1915], в число которых были включены лирические и эпические песни. Они, наряду с другими фольклорными материалами, отражают «совокупность лингвокультурной информации, важной для понимания этнической картины мира балкарцев в его историческом развитии» [Аликаев, Башиева, Тогузаева 2015: 207]. Первую классификацию карачаево-балкарского песенного фольклора, записанную со слов Исмаила Урусбиева, балкарского общественного деятеля и просветителя XIX века, представил русский композитор С.И.Танеев. В нее включены 1) самые древние песни; 2) песни «нартские», воспевающие подвиги старинных богатырей-нартов; 3) старые песни «эскиджир» исторического содержания; 4) новейшие песни «джианги джир» [Танеев 1886: 96-97]. Неоценимый вклад в исследование песенного фольклора и его жанрового своеобразия внесли А.И. Караева [1961], М.Ч. Кудавев [1982, 1988, 1997], Х.Х. Малкондуев [1990, 2001], Р.К. Ортабаева [1977, 2010], А.И. Рахаев [1982, 1988, 1994], Т.М. Хаджиева [1988, 1996], А.З. Холаев [1981] и др.

Как и другим типам дискурса, фольклорному песенному дискурсу присуще множество функций, базовыми из которых являются следующие: 1) референтная функция, направленная на посыл важной, актуальной информации от адресанта к адресату; 2) эмотивная функция, с помощью которой эксплицируется отношение адресата к теме, коммуникативной ситуации, апелляция к умению сопереживать и сочувствовать; 3) поэтическая функция, целью которой является придание тексту особой выразительности и самобытности; 4) конативная функция, которая содействует оказанию некоторого влияния на получателя через сообщение и побуждению его к какому-либо действию; 5) фатическая (контактоустанавливающая) функция, ориентированная на поддержание коммуникации и сосредоточение внимания на контактном элементе общения; 6) этноконсолидационная функция, нацеленная на объединение народа или этноса [Дуняшева 2013: 13]; 7) воспитательная функция, играющая важную роль в формировании личности на основе национальных ценностей; 8) коммуникативная функция, так как музыкальные композиции выступают достаточно эффективным средством, способствующим общению людей соответственно предпочтениям; 9) познавательно-просветительская функция, проявляющаяся в том, что фольклорные песни можно рассматривать в качестве достоверных документов того или иного временного периода; 10) эстетическая функция, которая в полной мере раскрывается через призму двух основополагающих категорий – «красота» и «благо». Все перечисленные функции представляют определенную ценность в контексте понимания социокультурной роли и лингвокультурных особенностей фольклорного песенного дискурса.

В параграфе 1.5. фольклорный песенный дискурс рассматривается как лингвокультурный феномен. Различные подходы к его толкованию свидетельствуют о том, что он является одним из важнейших лингвокультурных фактов, играющих важную роль в отражении специфики мировосприятия этносов. В этой связи для языковедов фольклорный песенный дискурс в качестве объекта изучения представляет, как и другие этноспецифичные компоненты культуры, особый интерес. Отметим, что карачаево-балкарский песенный дискурс как лингвокультурный феномен стал объектом внимания недавно [Аликаев, Башиева, Тогузаева, 2015; Alikayev, Bashieva, Toguzayeva, 2015].

Во второй главе «Лингвокультурные особенности фольклорного песенного дискурса, воплощенные в религиозных и эмоционально-чувственных концептах», рассматриваются различные трактовки термина «концепт», выделяются и анализируются религиозные и эмоционально-чувственные концепты – «Бог», «Душа»; «Любовь» и «Радость», отражающие лингвокультурную специфику фольклорного песенного дискурса.

Концепт является одним из терминов, актуализированных при изучении фольклорной картины мира в последние годы. Более того, исследователи используют такую его разновидность, как «фольклорный концепт», отличительную черту которого видят в «миромоделирующем» характере, квалифицируют его как «дискурсивный вариант общекультурных концептов» [см. Эмер 2011]. Е.И. Алешенко при рассмотрении этноязыковой картины мира в русских сказках позиционирует фольклорный концепт как особый тип лингвокультурного концепта, который «на своем понятийном уровне практически совпадает с концептом общекультурным. Значение слова (или словосочетания) – имени концепта в фольклорном тексте не отличается от общезыкового. Различия возникают на образном и аксиологическом уровнях» [Алешенко 2008: 4]. Другой исследователь фольклорной картины мира И.П. Черноусова ввела термин «фольклорная концептология» – раздел лингвистической концептологии, который изучает «фольклорные концепты как специфические ментальные сущности и их связи в фольклорно-языковой картине мира» [Черноусова 2015:13-14].

Концепт имеет облигаторную структуру, которая обеспечивает вхождение его в определенную концептосферу. Вместе с тем согласимся с мнением З.Д. Поповой и И.А. Стернина о том, что «никакой концепт не выражается в речи полностью, поскольку, во-первых, концепт – результат индивидуального познания, обобщения, категоризации, а индивидуальное требует комплекса средств для своего полного выражения; во-вторых, концепт представляет собой не жестко структурированную объемную единицу, целиком ее выразить невозможно; в-третьих, ни один исследователь и ни один лингвистический анализ не может выявить и зафиксировать все средства языковой и речевой репрезентации концепта в языке» [Попова, Стернин 2000:11]. Дело в том, что любой концепт отражает не только общечеловеческие ценности, но и индивидуальные предпочтения, поэтому он обрastaет при всей своей устойчивости новыми интерпретациями, образными ассоциациями, обусловленными спецификой миропонимания и т.д. Исследователи выделяют несколько моделей концепта, из которых в работе мы используем полевою модель, предложенную З.Д. Поповой, А.И. Стерниным. Она состоит из ядра, то есть базового слоя, представляющего «определенный чувственный образ, кодирующий концепт как мыслительную единицу» [Стернин 2001: 33], и периферии – совокупности дополнительных когнитивных признаков. Следует отметить, что один и тот же концепт в разных дискурсах может иметь разный комплекс характеристик в зависимости от семантических возможностей слов-репрезентантов, специфики коммуникативного акта. Для того чтобы составить полевою модель исследуемых нами концептов, мы обратились к словарным дефинициям.

В параграфе 2.1. проведено исследование религиозных концептов. Религиозная культура – это результат мировосприятия, миропонимания, основанного на обыденном сознании. Она, как ничто другое, представляет особенности древней духовной сферы общества, менталитета этноса, поэтому нашла свое воплощение в многочисленных фольклорных жанрах, в том числе и песнях. «Сильными» кодами «для обыденного сознания, – отмечает В.Н. Телия, – являются те, которые зафиксированы как прескрипции в сакральных (религиозных) текстах» [Телия 1996: 219]. Справедливость данного утверждения прослеживается и при изучении фольклорных песен, в ходе которого мы выявили присутствие двух доминантных религиозных концептов – «Бог», «Душа», несмотря на то, что они отражают субъективно-оценочную часть языковой картины мира. Анализ эмпирического материала показал, что религиозные концепты занимают в фольклорном песенном дискурсе приоритетное место, что обусловлено особой значимостью понятий Бог, душа в системе аксиологических ценностей этнических коллективов.

Концепт «Бог» как многоуровневый конструкт является объектом исследования диссертаций и научных статей, выполненных преимущественно на материале двух-трех языков, а фактологическим материалом в них, как правило, выступают лексические, фразеологические, паремиологические единицы, извлеченные из лексикографических, художественных текстов [Печенкина, Погребняк, 2001; 2010; Елисеева, 2008; Полина, 2004; Шустрова, 2008 и др.]. Особым ресурсом в этом контексте является песенный дискурс, в котором репрезентантами являются множество средств – лексем, свободные и устойчивые словосочетания, образные выражения, актуальные для конкретного дискурса.

Согласно данным толкового словаря карачаево-балкарского языка, понятие Бог репрезентируется двумя лексемами – *Тейри* и *Аллах*. *Аллах* – это Бог, Господь, Всевышний / Динде: битеу дуняны жаратхан эм анга оноу эте турган зат. (В религии: создатель и властелин всего мира) [том I, 1996: 130]. *Тейри* – это 1) Бог неба / Кёкню аллахы; 2) къ. Аллах [том III, 2005: 427]. В толковом словаре русского языка *Бог* определяется как верховное существо, стоящее над миром и управляющее им. В христианстве – триединый дух – творец и всеобщее мировое начало (Бог Отец, Бог сын и Бог дух святой). Предмет поклонения, восхищения; кумир [Ушаков 2013: 41]. Оксфордский словарь английского языка дает следующее толкование Бога (*God*): 1) a being or spirit that is believed to have power over nature and control over human affairs; 2) the Supreme Being, creator and ruler of the universe [Oxford Advanced Learner's Encyclopedic Dictionary 2003]. Таким образом, словари предлагают тождественные дефиниции концепта «Бог» – *Аллах*, *Тейри* в карачаево-балкарском языке, Бог – в русском языке, *God* – в английском

языке, которые соответствуют значению имени концепта, ключевого слова-репрезентанта, связаны с ним на основе понятийного признака; объединены представлением Бога как начала бытия, основателя мироздания, являются маркерами культурных смыслов, заложенных в концепте «Бог», таких, как «создатель, творец, основатель мира», «существо, управляющее миром», «существо, которому поклоняются». Все указанные понятийные признаки в фольклорном песенном дискурсе репрезентированы следующим синонимическим рядом, входящим в ближнюю периферию:

1. **Творец, Создатель (жаратхан/джаратхан):** Джайны игиси кюн болсун, Бу балагъа *джаратхан Аллах* тюз урсун (Доброе лето солнечным пусть будет, *Аллах-создатель* это дитя здоровым умом пусть одарит) [Рахаев, Малкондуев 2015: 373] (кар.-балк.), Прогневляешь ты самого *Творца* – Я за то прислан наказать тебя [Азбелев 2001: 234] (русс.).

2. **Господь, Господь Бог** (в русс. яз.), **Lord ‘Господь’** (англ.): Да вдонку им пустились – С нами был *Господь* [Азбелев 2001: 340], И *Господь нам Бог* поможет... [Там же: 413] (русс.), *Our Lord our God* he called on us and bids us awake and pray [Sharp 1911: 12]. (Наш *Господь*, наш Бог, Он призвал нас и просит нас бодрствовать и молиться) (англ.);

3. **Кёк Тейриси ‘Бог неба, Тейри неба’** (кар.-балк. яз.), **Отец небесный** (русс.), **God of heaven ‘Небесный бог’** (англ.): Чоппа, Чоппа, жокку тебе болганбыз, *Кёк Тейриси*, жаппу кёбе болганбыз. (Чоппа, Чоппа, мы вместе собрались, *Тейри неба*, мы вместе собрались) [Рахаев, Малкондуев 2015: 237] (кар.-балк.), *Вспокайтесь, людие, к небесному Отцу* припадите, От чистых ваших сердец любовь и веру ему принесите [Азбелев 2001: 47] (русс.), *Sing praises to the God of heaven, Who unto us His Son hath given* [Sharp 1911: 21]. (Пойте хвалу *Небесному богу*, Кто дал нам Сына Своего) (англ.).

Ближнюю периферию концепта составляют также метафорические /иносказательные определения Бога: Жерни, сууну бийлеп турган ‘Властелин земли и воды’, Алтын мюйюзлю акъ къочхар ‘Золоторогий белый баран’, Акъсакъал ‘Аксакал’ – (кар.-балк.). Ср.: Знаний и мудрости приумножитель, Бог битв и борьбы – (русс.); *Wind-lord ‘Властелин ветра’* – (англ.).

Проанализированный эмпирический материал позволил выделить следующие концептуальные признаки Бога в карачаево-балкарском фольклорном песенном дискурсе: 1) антропоморфные признаки, отражающие положительные характеристики Бога: улуу «великий», огъурлу «дарующий счастье», халал «добрый», «великодушный», сыйлы «достопочтенный»; 2) зооморфные признаки: узун сакъаллы «длиннобородый», чубур къуйрукълу «короткохвостый», жютю мюйюзлю «осторогий», женгил аякълы «быстроногий», которые строятся на

основе воспринимаемых органами чувств внешних атрибутов покровительствуемых животных, мифологических представлений о творце мироздания. Они характеризуют Бога с различных сторон, в том числе и с эстетической точки зрения, и направлены на индивидуализацию образа.

Нами в фольклорном песенном дискурсе выделен ряд широко используемых устойчивых словосочетаний, формул благопожелания, а также афористических высказываний с компонентами *Аллах*, *Тейри*, составляющими дальнюю периферию концепта, например: Аллах айтса 'Даст Бог (Аллах)', Аллах билсин 'Бог (Аллах) знает, ведает'; Аллахха шукур 'Слава Богу (Аллаху)', Аллах сакъласын 'Да хранит/убережет Бог (Аллах), не дай Бог (Аллах)'; Тейри арамды 'Тейри – свидетель'; Аллах саулукъ берсин 'Дай Аллах (вам) здоровья'. **Ср.:** Дай бог, Слава Богу, Бог знает, Где Бог носит; God bless you 'Да благословит вас Бог/Благослови вас Бог'; For Father, Son and Holy Ghost and Christ 'Во имя Отца, Сына, Святого Духа и Христа'; God save our king and bless this land 'Боже, храни короля и благослови эту землю'; Смелым Бог владеет и др. Они как лингвокультурные феномены интегрируют «в себе когнитивный, прагматический, функциональный, семантический аспекты коммуникации» [Башиева 2018: 46]. Следует отметить, что благопожелание, или алгыш «возник, как отмечает А.И. Караева, очевидно, ...как гимн богу неба Тейри (Тангра, Тэнгри, Тенгри, Тангры и т.д.)» [Караева 1961: 25-26]. Данное предположение подтверждается и настоящим исследованием.

Концепт «Бог» часто проявляется также в формате широко употребляемых междометий, таких как, тейри / by God 'ей-богу', которые, как правило, употребляются в различных контекстах с целью доказательства правдивости слов: Уучу Алий а бизге жарсыгъанды, кюйгенди, Бахсан жулдузларын, *тейри*, мудах этгенди [Джуртубаев III т. 2015: 16]. (Охотник Алий так скорбел о нас, горевал, Что опечалил, *ей-богу*, звезды над Баксаном), Ала, *Тейри*, Къарабий бла Сарыбий элле, ой... (Они, *ей-Богу*, Карабий и Сарыбий были, ой...) [Рахаев 2002: 96], – Эй, ахшы уланла, была кимни малылла (р), ой, – Была, *Тейри*, Къарабий бла Сарыбийни малылла, дейди. (– Эй, молодцы, чьи это отары, ой, – Это, *ей-Богу*, Карабия и Сарыбия отары, – ответили они) [Там же: 98, 99] (кар.-балк.); ср.: This seven yere, *by dere worthy God*, ne yede I this fast on fote [URL: <http://www.gremlinimage.ru/medieval/robin.php#4>]. (Успел я вовремя, шериф, *ей-богу*, проворно я бежал) (англ.). Слово Тейри в представленном смысле коррелирует, судя по примерам, с русским междометием «ей-богу», которое, как правило, используется в качестве возгласа, выражающего клятвенное подтверждение чего-либо. Следует отметить, что отдаленность формул благопожеланий, а также междометий от ядра не является свидетельством их

незначимости в полевой модели концепта «Бог». Они наравне с ядром и ближней периферией придают ему лингвокультурную маркированность.

Среди карачаево-балкарских народных песен большой пласт составляют песни-размышления о смысле жизни, духовно-нравственных ориентирах человека и его поступках, в которых одно из приоритетных мест занимает концепт «Душа». Объясняется это, в первую очередь, тем, что жан «душа», согласно данным карачаево-балкарского нартского эпоса, не физическая субстанция, а духовная константа культуры.

Концепт «Душа» входит в концептосферу внутреннего мира человека и является одним из центральных в народной песенной лирике не только карачаевцев, балкарцев, но и русских, а также британцев. Представлен он в ней лексемами «жан» (кар.-балк.), «душа» (русс.) и «soul» (англ.). В древнетюркском языке слово *жан* 'душа' использовалось в значениях «жизненная сила», «дух». По данным карачаево-балкарского толкового словаря, *жан* представляет собой 1) нематериальное начало в человеке: Динни ангылатыууна кёре: адамла аны жаныуарладан башхалыгъын кёргюзтген эм Аллах бла байламлы этген, материядан кьуралмагъан, ёлмезлик мурдор; 2) человека вообще [том I, 1996: 794]. В толковом словаре русского языка под ред. Д.Н. Ушакова *душа* определяется как 1) нематериальное начало жизни, противоположаемое телу; 2) внутренний психический мир человека; 3) свойство характера, основные черты личности, а также человек с теми или иными свойствами [Ушаков 2013: 131]. В. Даль дает следующую дефиницию: «ДУША ж. бессмертное духовное существо, одаренное разумом и волею; в общем знач. человек, с духом и телом» [Даль 1998]. В Большом толковом словаре русского языка (1998) душа дефинируется как «духовная сущность человека, особая нематериальная бессмертная сила, обитающая в теле человека» [1998]. The Oxford Dictionary of Current English предоставляет следующие толкования лексемы *soul* (душа): 1) spiritual or immaterial part of a person, often regarded as immortal; 2) moral, emotional, or intellectual nature of a person; 3) personification or pattern (the very soul of discretion); 4) an individual (not a soul in sight) [The Oxford Dictionary of Current English 1993: 871]. В результате анализа словарных статей мы выделили следующие базовые компоненты лексического значения слова душа: «жизнь», «существо», «лицо», «черты личности». Они составляют ядро концепта «Душа».

В фольклорном песенном дискурсе душа получает следующие значения: 1) жизнь; 2) нематериальное начало в человеке; 3) огонь; 4) лицо. Обращает на себя внимание то, что в карачаево-балкарских народных песнях душа выступает в образе огня: «Аны жаны, кьаны алай отмуду, ой, алай да отмуду. (Неужто его душа и кровь так уж огненны, ой, так уж огненны)». М.И. Ми-

хельсон пишет о том, что и «у древних славян душа представлялась в образе огня, и охраняющие очаг духи могли рассердиться за совершение неправильных действий» [Михельсон 1994:255], хотя в рассмотренных нами русских песнях мы не обнаружили сопоставление души с огнем.

Душа как яркая доминанта культурного сознания любого народа обладает рядом специфических черт. В ходе исследования нами выделены следующие признаки одноименного концепта, проявляющиеся в фольклорном песенном дискурсе: батыр 'храбрая, отважная', жарлы/ роог 'бедная', кьара 'тёмная, сильная', харам/ sinful 'грешная, подлая', спасённая, милая, христианская, tormented 'измученная', добрая, kind 'добрая', merry 'веселая', old 'старая'.

В процессе исследования нами было обнаружено отсутствие синонимических, а также метафорических/иносказательных представлений души непосредственно в фольклорном песенном дискурсе, что, соответственно, не позволяет нам выделить ближнюю периферию одноименного концепта. Тем не менее лексема душа входит в состав часто употребляемых устойчивых выражений, образующих дальнюю периферию концепта. Их детальный анализ дал возможность выявить большое количество художественных репрезентаций души. Всякого рода психоэмоциональные состояния, транслируемые посредством определенных дескрипций с одноименной лексемой, демонстрируют этническую особенность представления о чувствах и состоянии индивида: кьурман болсун жаным, жаным кьор болсун, кьор болайым жанынга 'да стану я жертвой за тебя', жанына тий 'задевать, обижать', жан берирге 'отдать душу, умереть', жан аурут 'сочувствовать кому-то, печься о ком-то', жаны-кёзю 'самое дорогое, самый любимый', жанынгдан тояргъа 'измучиться, известись'.

Концепт «Душа» нередко выступает культурно-нравственным «ядром» афористических высказываний, также составляющих дальнюю периферию концепта. Они, в свою очередь, встречаются в фольклорном песенном дискурсе и представляют собой некую форму абсолютного знания: Жарлыгъа берген – жан ючюн, Байгъа берген а – мал ючюн [Отаров 2001: 42]. (Бедняку подают души ради, богатым дают ради подобоастрагия).

Анализ эмпирического материала показал, что утверждение А. Вежбицкой о том, что «такие ключевые слова, как душа или судьба..., подобны свободному концу в спутанном клубке шерсти: потянув за него, мы, возможно, будем в состоянии распутать целый спутанный «клубок» установок, ценностей и ожиданий, воплощаемых не только в словах, но и в распространенных сочетаниях, в устойчивых выражениях, в грамматических конструкциях, в пословицах и т.д.» [Вежбицкая 2001: 37], вполне справедливо.

Параграф 2.2. посвящен таким комплексным абстрактным явлениям, как эмоции и чувства. Отмечается, что потребность непосредственно лингвокультурологического подхода к исследованию чувств и эмоций, а также их выражения в языке вышла на первый план в связи с актуализацией антропоцентрической парадигмы. В отечественном языкознании проблемой взаимосвязи языка и эмоций занимались главным образом Ю.Д. Апресян [1993] и В.И. Шаховский [1987]. В лингвистике существуют несколько подходов к изучению эмоциональной сферы человека (антропоцентрический, лингвокультурологический, прагмалингвистический, дискурсивный и др.). В ходе нашего исследования было установлено, что базовыми эмоционально-чувственными концептами фольклорного песенного дискурса являются концепты «Любовь» и «Радость».

Толковым словарем карачаево-балкарского языка *суймеклик* (любовь) трактуется следующим образом: 1) любовь (напр., к другу, к людям) / биреуню бир башха неда бир затха жюреги бек тартханын, ийлешгенин билдирген сезим; 2) любовь (влечение к лицу другого пола) / биреу биреуню (эр киши тиширыуну, тиширыу эр кишини) суйгенин билдирген сезим; 3) в позиции определения: суймекликни юсюнден болгъан; 4) любовь (напр., к искусству) / Бир затха итинмеклик, жюреги тартмакълыкъ, берилмеклик [том III, 2005: 293]. Толковый словарь русского языка С.И. Ожегова и Н.Ю. Шведовой определяет *любовь* как 1) глубокое эмоциональное влечение, сильное сердечное чувство; 2) чувство глубокого расположения, искренней привязанности. л. к родине, к родителям, к детям. слепая (всепрощающая). л. к ближнему. относиться к своему делу с любовью; 3) постоянная, сильная склонность, увлеченность чем-н; 4) предмет любви [Ожегов, Шведова 2006: 336]. The Oxford Dictionary of Current English дает следующие дефиниции любви (*love*): 1) deep affection or fondness; 2) sexual passion; 3) sexual relations; 4) beloved one; sweetheart, b. colloq. form of address regardless of affection; 5) colloq. person of whom one is fond [The Oxford Dictionary of Current English 1993: 526].

Анализ лексикографических данных позволил определить главные компоненты лексического значения слова «любовь»: «чувство», «расположение», «увлеченность чем-н», «отношения», «человек». В карачаево-балкарском фольклорном песенном дискурсе концепт «Любовь» представлен преимущественно в формах глагола «суй», а также существительного и прилагательного «суймеклик», в русских народных песнях – в формах глагола «любить», существительного «любовь», прилагательных «любимый (-ая, -ое, -ые) / возлюбленный (-ая, -ые)» и «любо/люба». В британских фольклорных песенных текстах концепт «Love» предстает в следующих грамматических масках: глагол «to love», «to be in love with smb.», имя «love» (реже «affection») и прилагательное «beloved».

Ядерный слой концепта «Любовь» находит свою реализацию в фольклорном песенном дискурсе в значениях 1) чувство; 2) расположение, привязанность; 3) увлеченность, склонность.

Концепт «Любовь» обладает достаточно развитой эмоционально-образной составляющей, характеризующей данное чувство. В процессе исследования нам удалось выделить следующие его концептуальные признаки, реализованные в фольклорном песенном дискурсе: кьаллы 'кровоточащая', худжу 'губительная, плохая', кыйын 'сложная, суровая', джазысуз 'непреднамеренная', кьаты 'сильная, крепкая', неразлучная, прежняя, большая, прежестокая, облитая слезами, горячая, hot 'горячая', cold 'холодная', true 'настоящая, верная', handsome 'прекрасная, красивая', pretty 'прелестная', charming 'очаровательная', pure 'чистая'. Следует обратить внимание на то, что в карачаево-балкарских и русских фольклорных песенных текстах преобладают отрицательно маркированные признаки: худжу 'губительная, плохая', кыйын 'сложная, суровая', прежестокая, облитая слезами и др. Связано это, как мы полагаем, с традиционным для карачаево-балкарской, а также русской культур восприятием любви как чувства, часто приносящего несчастье и страдания. Помимо этого, отметим, что эмоциональная рецепция любви представителями русской лингвокультуры объясняется особым прямотушием, свойственным русскому человеку, позволяющим легко, со всей присущей ему непринужденной экспрессией продемонстрировать глубину переживания тех или иных чувств и эмоций, что не свойственно, например, представителям британской лингвокультуры, для которых, как известно, больше характерны выдержка и сдержанность.

В народной песенной лирике исследуемый концепт часто репрезентируется синонимическим рядом лексем, входящих в ближнюю периферию концепта: джаратыргъа 'симпатизировать, нравиться', affection 'любовь, симпатия', страсть, обожание, влюбиться, to fall in love 'влюбиться', to be in love with smb. 'быть влюбленным', а также словами, которые сами по себе не обязательно предполагают состояние любви, для их декодировки требуется контекст: таралыргъа 'страдать': Мен сени суйюп, таралып, куйюп, Армау болургъа жетгенме [Отаров 2001: 133]. (Любя тебя, страдая, сгорая, дошел до замешательства) (кар.-балк.); Возвратися ты, мой миленький, назад! Наглядитесь, очи ясныя, в запас, Не страдало б мое сердце хоть на час [Киреевский 1917: 102] (русс.); ёлорге 'умирать': Мен таралама, ёлеме, Санга кыйнайды сарьюум [Гочияева, Ортабаева, Суюнчева 1969: 100]. (Я страдаю, умираю, По тебе горит моя душа) (кар.-балк.). Синонимический ряд номинанта концепта «Любовь» дополняют лексемы, обозначающие любимого человека или дорогих сердцу людей: наны/ honey, darling, sweetheart, beau 'любимый (-ая), дорогой (-ая), милый (-ая)'; хорошая, расхорошая, любушка, сердце-лапушка, милая/милочка, милый/миленький, полубовны.

В ближнюю периферию входят также метафорические/иносказательные номинации, отличающиеся высокой образностью: ауруу 'болезнь', исси ауруу 'горячая болезнь'; от 'огонь, пламя'; кюерге 'гореть, сгорать'; кипеть; плакать, рыдать, надрываться; жюрекегге кирирге 'войти в сердце'; жан берирге 'отдать душу'; жюрекни жарыкк жулдузу 'яркая звезда сердца'; heart's delight 'радость сердца'; to have one's heart 'обладать/владеть чьим-либо сердцем'; to steal one's heart 'украсть чье-то сердце'; lord of all 'владыка всего'; to have one's heart in thrall 'держат чье-либо сердце в плену'; heart pierced by Cupid 'сердце пронзено Купидоном'.

Дальнюю периферию концепта «любовь» составляют культурно-маркированные устойчивые выражения, а также афористические высказывания, например: 1) Жандан сүйген 'любить больше души'; 2) во совете, во любви; совет да любовь; 3) True love is better than jewels and treasure, Riches can never buy true love.

Проведенный анализ концепта «Любовь» показал, что чувства занимают особое место в фольклорном песенном дискурсе как индикаторы личностного и этнического начал. Номинативное поле концепта «Любовь» включает в себя языковые средства, называющие имя концепта, и признаки, которые отражают его содержание в различных коммуникативных ситуациях.

Одним из важнейших эмоциональных концептов, входящих в сферу национальной концептосферы любого языка, является концепт «Радость». Представлен он главным образом лексемами «кьюуанч» (кар.-балк.), «радость» (русс.), «joy» (англ.). Толковый словарь карачаево-балкарского языка определяет «радость» (кар.-балк. «кьюуанч») следующим образом: 1) радость, отрада / жюрекегге уллу ыразылыкк келтирген, зауукълукк берген сезим; 2) в позиции определения: радостный; 3) о том, кто или что радуется, вызывает радостное чувство / биреуню жюрегинде жарыкк, кьюуандыргъан сезим туудургъан адам неда зат; 4) веселье, развлечение, забава/ адамны кёзюн ачаргъа, кюлкюге, оюннга тартхан жарыкк, къайгъысыз халы; 5) торжество, праздник / Бир белгили затха жораланган уллу байрам [том II, 2002: 731]. В словаре русского языка С.И. Ожегова указаны три значения лексемы «радость»: 1) весёлое чувство, ощущение большого душевного удовлетворения; 2) то, что (тот, кто) вызывает такое чувство; 3) радостное, счастливое событие, обстоятельство [Ожегов 2003: 640]. Английский эквивалент «радости», «joy» имеет следующие значения в толковом словаре английского языка: 1) (often foll. by at, in) pleasure; extreme gladness; 2) thing causing joy; 3) colloq. satisfaction, success (got no joy) [The Oxford Dictionary of Current English 1993: 479]. На основе приведенных дефиниций мы выделили основные компоненты лексического значения слова «радость»: «Веселое чувство», «Причина/объект», «Счастливое событие», «Успех».

Проанализированный эмпирический материал позволил выявить образную составляющую концепта «Радость», включающую в себя концептуальные признаки, которые проявляются в фольклорном песенном дискурсе: уллу ‘большая’, великая, great ‘великая’.

В народной песенной лирике концепт «Радость» довольно часто репрезентируется синонимическим рядом лексем, входящих в ближнюю периферию исследуемого концепта: жубанч ‘отрада’, mirth ‘веселье, радость’, to rejoice ‘ликовать’, merry ‘веселый, радостный’. С целью придания фольклорному произведению большей художественной рельефности, для верной расстановки акцентов в нем зачастую используются различные образные сравнения. Так, ближнюю периферию рассматриваемого концепта составляют также метафорические/иносказательные номинации, актуализирующиеся в фольклорном песенном дискурсе: жюрек жылытыргъа ‘согреть сердце’, то есть подняться.

Ввиду своей положительной семантики концепт «Радость» входит в состав многих благопожеланий и формул прощания, образующих дальнюю периферию: Сау кьутулгъун кьууанч бла бешикден, Чабыб тышсюн гитче бала эшикден [Гочияева, Ортабаева, Суюнчева 1969: 123]. (Здоровым, радостным освободись от люльки, Бегом ребенок сам пусть выйдет из дверей); Къайда айлансанг да, кьууанч бла айлан [Хубиев 2009: 401]. (Где бы ты ни был, пусть радость сопровождает тебя); Игиден юлгю алыгъыз, Ори–ора–да–ра, Кьууанч бла къалыгъыз [Отаров 2001: 174]. (Берите пример с лучших, Ори–ора–да–ра, Счастливо оставаться) (кар.-балк.); So God send you all a joyful New Year [Sharp 1911: 52]. (Пусть Бог пошлет вам всем радостный (счастливый) Новый год); O we wish you the comfort and tidings of joy [Там же: 27]. (Мы желаем вам утешения и радостных вестей) (англ.).

Таким образом, и в словарных дефинициях, образующих ядро, и в репрезентантах, входящих в ближнюю и дальнюю периферии концепта «Радость», заключены положительные коннотации, обусловленные отношением к радости как к счастливому состоянию. Концепт «Радость», как и другие концепты, актуализированные в настоящей диссертации, отражает знания, практический опыт, которые хранятся в этнической памяти.

В заключении подведены итоги исследования.

Безусловно, в рамках диссертационной работы трудно охватить весь комплекс лингвокультурных особенностей фольклорного песенного дискурса, поэтому рассмотрены четыре фундаментальных, на наш взгляд, концепта – «Бог», «Душа», «Любовь», «Радость». В этой связи перспективу дальнейшего изучения темы видим в расширении границ эмпирического материала и решении новых исследовательских задач.

Основные положения диссертации отражены в следующих публикациях автора:

I. Статьи, опубликованные в изданиях, включенных в перечень ведущих научных рецензируемых журналов, рекомендованных ВАК РФ:

1. Теппеева Д. Р. Лингвокультурный аспект исследования фольклорного песенного дискурса // Известия ВГПУ. – 2019. – № 8 (141). – С.172–176.

2. Теппеева Д.Р. Фольклорный песенный дискурс как транслятор лингвокультурной информации // Международный научно-исследовательский журнал «Современный ученый». – Белгород, 2020. – № 1. – С. 246–252.

3. Теппеева Д.Р. Лингвокультурная специфика карачаево-балкарского фольклорного песенного дискурса // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – Тамбов: Грамота, 2019. – № 4. – С. 291–295.

II. Статьи, опубликованные в других журналах, а также в сборниках материалов научных конференций и других изданиях:

4. Теппеева Д.Р. Различные подходы к пониманию дискурса в современной лингвистике как объект анализа // Лингвориторическая парадигма: теоретические и прикладные аспекты. – 2017. – № 22-2. – С. 27–31.

5. Теппеева Д.Р. Понятие «лингвокультура» в теории языка и культуры // Актуальные вопросы гуманитарных и общественных наук: сборник научных трудов всероссийской научно-практической конференции с международным участием «Актуальные вопросы гуманитарных и общественных наук». – СПб.: «Фора-принт», 2019. – Ч. 2.– С. 124–129.

6. Теппеева Д.Р. Лингвокультурный концепт «Бог» в фольклорном песенном дискурсе // Научные междисциплинарные исследования молодых ученых: сборник статей международной научно-практической конференции. – Саратов: НОО «Цифровая наука». – 2020. – С. 36–40.

7. Теппеева Д.Р. Лингвокультурологический аспект песенного дискурса // Материалы международной научной конференции студентов, аспирантов и молодых ученых «Перспектива-2016», Т. II. – Нальчик: КБГУ, 2016. – С. 219–222.

8. Теппеева Д.Р. Отражение ценностей английской, русской и карачаево-балкарской лингвокультур в песенном дискурсе // Язык: история и современность. – 2017. – № 3. – С. 94–108.

9. Теппеева Д.Р., Дзасежева Л.Х. Тексты англоязычного песенного дискурса как разновидность креолизованных текстов // Молодежь в науке: Новые аргументы: сборник научных работ III-го Международного молодежного конкурса. Ч. IV. – Липецк: Научное партнерство «Аргумент», 2016. – С. 119–122.

В печать 16.10. 2020. Формат 60x84/16.
Печать цифровая. Бумага офсетная. 1.39 п.л.
Тираж 100 экз. Заказ № 136.

Отпечатан ИП «Binding2016»
360004, КБР, г. Нальчик, ул. Тургенева, 68